

мнение о превосходстве над тобою в учености; второе ж крепким ударом сшибло его с ног (...) я признал слабость мою пред тобою, хотя ты и по латыни не учился» (С. 502). «Большого ученого» Петров уличает в незнании немецкого языка («Будучи великий Жени, ты ( ) в трех строках сделал пять ошибок против немецкого языка») (С. 503), над философом смеется («Проницание твое несравненно: ты видишь то, что от всех прочих смертных сокрыто») (С. 504).

Чем объяснить столь резкое противостояние? Разностью психологических типов? Но тогда переписка Карамзина с Петровым может показаться одним из ранних вариантов «Чувствительного и холодного». Уже современники, и в частности Н. И. Новиков,¹⁹ узнавали двух друзей в героях этого очерка. На психологической антитезе построены и характеры, созданные в прозаической элегии Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1793). Однако горечь недавней утраты, установка на открытое литературное повествование смягчают реальные противоречия, сводя их к «различным свойствам души»: «. Агатон и я любили одно, но любили *различным образом*. Где он одобрял с покойною улыбкою, там я *восхищался*; огненной пылкости моей противопологал он холодную свою рассудительность; я был мечтатель, он деятельный философ».²⁰ Думается, что истинные причины этого противостояния в другом. В письмах Карамзина Петрову явно недостает «простоты чувствования».²¹ Великолепно осознавая литературность поведения Карамзина, Петров не принимает условий предлагаемой ему игры еще и потому, что в создаваемом друзьями эпистолярном «романе» у него есть своя «роль». Он учитель, еще точнее, придиричивый ментор. Его письмо, по собственному определению, — нравоучение («Каково понравилось тебе мое нравоучение? Пожалуй, постарайся употребить что-нибудь из него в свою пользу») (С. 500). Наставления и насмешка, порою больно задевающая самолюбие, — привычные для него «педагогические» средства.

Почему Петров выбрал именно эту «роль»? Здесь много причин. Он был старше и, очевидно, ему приятно покровительствовать. Он был масоном и в те годы (в отличие от своего друга) еще не сомневался в истине исповедуемого учения. Воспитание других становится для него почти профессией. Он редактирует «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), он переводит «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку»²² и энциклопедию

¹⁹ См. Письма Н. И. Новикова к Н. М. Карамзину // Письма С. И. Гамалея) М., 1836 Ч. 2 С. 268—269

²⁰ Карамзин Н. М. Цветок на гроб моего Агатона С. 234

²¹ См. об этом Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма С. 82—84

²² Издана в Москве в 1788 г. В 1786 г. Петров подал в цензуру «Учебную книгу для детей, обучающихся по-немецки»